

А.Ф. Писемский

Масоны

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

A11 **А.Ф. Писемский**
Масоны / А.Ф. Писемский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 532 с.

ISBN 978-5-4241-1690-2

Писемский Алексей Феофилактович - русский писатель. Принадлежал к старинному обедневшему дворянскому роду. Окончил математическое отделение Московского университета в 1844 году. Около 10 лет был на государственной службе в Костроме и Москве. Выступил в печати в 1848 году. Первый роман Писемского «Боярщина» (1846, опубликован 1858) написан в духе натуральной школы 40-х гг. Известность пришла к Писемскому после опубликования повести «Тюфяк» (1850). Затем появились повести из жизни дворянско-чиновничьей провинции «Комик», «Богатый жених» (обе 1851), «М-г Батманов» (1852), «Фанфарон» (1854), «Виновата ли она?» (1855) и другие, комедии «Ипохондрик» (1852) и «Раздел» (1853), рассказы из крестьянской жизни. Писатель не видел в дворянской среде людей, способных сопротивляться влиянию её бесчеловечной морали, поэтому ирония одно из главных свойств его стиля. Цельные характеры писатель находил только в народе.

ISBN 978-5-4241-1690-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.Ф. Писемский, 2021

Писемский Алексей
Масоны

Алексей Феофилактович Писемский

Масоны

Роман в пяти частях

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Зима 1835 года была очень холодная; на небе каждый вечер видели большую комету{5} с длинным хвостом; в обществе ходили разные тревожные слухи о том, что с Польшей будет снова война, что появилась повальная болезнь - грипп, от которой много умирало, и что, наконец, было поймано и посажено в острог несколько пророков, предвещавших скорое преставление света. В крещенье холд дошел до 25 градусов. Луна, несмотря, что подернута была морозным туманом, освещала довольно ясно пустынные улицы одного из губернских городов. По главной улице этого города быстро ехала щегольская тройка в пошевнях. Коренная, кровный рысак, шла крупной рысью, а пристяжные скакали, держа голову около самой земли. Кучер стоял в передке на ногах и едвадерживал натянутыми, как струны, вожжами разгорячившихся лошадей. На барском месте в пошевнях сидел очень маленького роста мужчина, закутанный в медвежью шубу, с лицом, гордо приподнятым вверх, с голубыми глазами, тоже закинутыми к небесам, и с небольшими, торчащими, как у таракана, усиками, - точно он весь стремился упорхнуть куда-то ввысь. Лет маленькому господину было около пятидесяти. У подъезда большого каменного дома, ярко освещенного во всех окнах, кучер остановил лошадей. Маленький господин, выскочив из пошевней и почти пробежав наружное с двумя гипсовыми львами крыльцо, стал затем проворно взбираться по широкой лестнице, устланной красным ковром и убранной цветами, пройдя которую он гордо вошел в битком набитую ливрейными лакеями переднюю. Здесь он сбросил с себя свою медвежью шубу и очутился во фраке, украшенном на одном из бортов тоненькой цепочкой, унизанной медальками и крестиками. Из передней маленький господин, с прежней гордой осанкой, направился в очень большую залу с хорами, с колоннами, освещенную люстрами, кенкетами, канделябрами, - залу с многочисленной публикой, из числа которой пар двадцать, под звуки полковых музыкантов, помещенных на хорах, танцевали французскую кадриль. Около стен залы сидели нетанцующие дамы с открытыми шеями и разряженные, насколько только хватило у каждой денег и вкусу, а также стояло множество мужчин, между коими виднелись чиновники в вицмундирах, дворяне в своих отставных военных мундирах, а другие просто в черных фраках и белых галстуках и, наконец, купцы в длиннополых, чуть не до земли, сюртуках и все почти с огромными, неуклюжими медалями на кавалерских лентах. Словом, это был не более не менее, как официальный бал, который давал губернский предводитель дворянства, действительный статский советник Петр Григорьевич Крапчик, в честь ревизующего губернию сенатора графа Эдлерса. Наш маленький господин, пробираясь посреди танцующих и немножко небрежно кланяясь на все стороны, стремился к хозяину дома, который стоял на небольшом возвышении под хорами и являл из себя, по своему высокому росту, худощавому стану, огромным рукам, гладко остриженным волосам и грубой, как бы солдатской физиономии, скорее старого, отставного тамбурmajора{6}, чем представителя жантильомов{6}. Как лицо служащее, Крапчик тоже был в вицмундирном фраке

и с анненской лентой на белом жилете. Увидав приближающегося к нему маленького господина, он воскликнул:

- Наконец-то вы, Егор Егорыч, приехали!
- Дела, все дела! - отвечал тот скороговоркой.

И при этом они пожали друг другу руки и не так, как обыкновенно пожимаются руки между мужчинами, а как-то очень уж отделив большой палец от других пальцев, причем хозяин чуть-чуть произнес: "А... Е...", на что Марфин слегка как бы шикнул: "Ши!". На указательных пальцах у того и у другого тоже были довольно оригинальные и совершенно одинакие чугунные перстни, на печатках которых была вырезана Адамова голова с лежащими под ней берцовым костями и надписью: "Sic eris"*.

* "Таким будешь" (лат.).

- Катрин, разве ты не видишь: Егор Егорыч Марфин! - сказал с ударением губернский предводитель проходившей в это время мимо них довольно еще молодой девице в розовом креповом, отделанном валянье-кружевами платье, в брильянтовом ожерелье на груди и с брильянтовой диадемой на голове; но при всем этом богатстве и изяществе туалета девица сия была как-то очень аляповата; черты лица имела грубые, с весьма заметными следами пробивающихся усов на верхней губе, и при этом еще белилась и румянилась: природный цвет лица ее, вероятно, был очень черен! Впрочем, все эти недостатки ее скрашивались несколько выразительными и почти жгучими глазами и роскошными черными волосами. Особа эта была единственная дочь хозяина и отчасти представляла фамильное сходство с ним. Сам господин Крапчик, по слухам, был восточного происхождения: не то грузин, не то армянин, не то грек.

- Как я рада вас видеть, monsieur Марфин! - произнесла Катрин, слегка приседая.

Марфин, с своей стороны, вежливо, но сухо ей поклонился. Катрин после того пошла далее - занимать других гостей.

- А граф приехал? - спросил Марфин хозяина.

- Давно приехал!.. Вон он разговаривает с Клавской!.. - отвечал тот, показывая глазами на плешилого старика с синей лентой белого орла, стоявшего около танцующих, вблизи одной, если хотите, красивой из себя дамы, но в то же время с каким-то наглым и бесстыжим выражением в лице. Марфин несколько мгновений смотрел в показанную ему сторону через свой двойной лорнет. Во все это время Клавская решительно не обращала никакого внимания на танцующего с нею кавалера - какого-то доморощенного юношу - и беспрестанно обертывалась к графу, громко с ним разговаривала, рассуждала и явно старалась представить из себя царицу бала. Сенатор, в свою очередь, тоже рассыпался перед ней в любезностях, и при этом своими мягкими манерами он обнаруживал в себе не столько суворого жреца Фемиды {7}, сколько ловкого придворного, что подтверждал и две камергерские пуговицы на его форменном фраке.

- Стало быть, мне правду говорили, что он пленился этой госпожой? спросил Марфин губернского предводителя.

- Через неделю же, как приехал!.. Заранее это у них было придумано и подготовлено, - произнес тот несколько язвительным голосом.

- Но ком?

- Нашим общим с вами другом.
- Губернатором?
- Конечно!.. Двоюродная племянница ему... Обойдут старика совершенно, так что все будет шито и крыто.

- Нет-с, нет!.. Я не допущу этого!.. - проговорил хоть и шепотом, но запальчиво Марфин.

- Пожалуйста, пожалуйста! - упрашивал его губернский предводитель. - А то ведь это, ей-богу, ни на что не похоже!.. Но сами вы лично знакомы с графом?

- В глаза его никогда не видал! - отвечал Марфин.

- Угодно вам, чтобы я вас представил?

- Хорошо.

Между тем кадриль кончилась. Сенатор пошел по зале. Общество перед ним, как море перед большим кораблем, стало раздаваться направо и налево. Трудно описать все мелкие оттенки страха, уважения, внимания, которые начали отражаться на лицах чиновников, купцов и даже дворян. На средине залы к сенатору подошел хозяин с Марфиным и проговорил:

- Ваше сиятельство, позвольте вам представить: полковник Марфин!

Последний заметно старался более обыкновенного топорщиться.

Сенатор весьма благосклонно протянул ему руку.

- Мне об вас очень много говорили министр внутренних дел и министр юстиции! - прибавил он к тому.

- Да, они меня знают! - отвечал почти небрежно Марфин.

Сенатору, кажется, не понравился тон его ответа. Не сказав ему более ни слова, он пошел далее и в первой же небольшой гостиной, где на нескольких столиках играли в карты, остановился у одного из них. За столиком этим, увы! - играл - обреченная жертва ревизии - местный губернатор, тоже уже старик, с лошадицою профилю, тупыми, телячьими глазами и в анненской ленте. Когда к нему приблизился сенатор, на лице губернатора, подобно тому, как и на лицах других чиновников, отразились некоторое смущение и затаяенная злоба. Сенатор стал смотреть на игру.

- Вы очень рассеянно играете: вам следовало ходить с бубен! - заметил он губернатору.

- Я вообще дурно играю! - отозвался тот, силясь улыбнуться.

- В таком случае, остерегайтесь: Михайло Сергеич отличный игрок! продолжал сенатор, разумея под этим именем своего правителя дел, с которым губернатор играл в пикет.

- Какой я нынче, ваше сиятельство, игрок, особенно в пикет! Со службой совсем разучился! - отвечал правитель дел, сухопарый, или, точнее сказать, какой-то даже оглоданный петербургский чиновник, с расчесанными бакенбардами, с старательно вычищенными ногтями, в нескольких фуфайках и сверх их в щегольском белье.

Фамилия его была Звездкин, а чин - действительный статский советник. В петербургском чиновничьем мире он слыл за великого дельца, но вместе с тем и за великого плута. Его нарочно подсунули из министерства графу Эдлеру, так как всем было известно, что почтенный сенатор гораздо более любит увлекаться вихрем светских удовольствий, чем скучными обязанностями службы; вследствие всего этого можно было подозревать, что губернатор вряд ли не

нарочно старался играть рассеянно: в его прямых расчетах было проигрывать правительству дел!

Посмотрев еще несколько времени на игру, граф пошел далее в следующую большую гостиную. Хозяин дома, бывший, должно быть, несмотря на свою грубоватую наружность, человеком весьма хитрым и наблюдательным и, по-видимому, ставшийся не терять графа из виду, поспешил, будто бы совершенно случайно, в сопровождении даже ничего этого не подозревавшего Марфина, перейти из залы в маленькую гостиную, из которой очень хорошо можно было усмотреть, что граф не остановился в большой гостиной, исключительно наполненной самыми почтенными и пожилыми дамами, а направился в боксетную, где и уселся в совершенно уединенном уголке возле т-те Клавской, точно из-под земли тут выросшей.

- Опять уж парочкой! - шепнул предводитель Марфину.

- О, дурак, старый развратник! - пробормотал тот с досадой и с презрением.

- Да! - протянул предводитель. - Не такого бы по нашим делам нам надо было прислать сенатора.

В ответ на это Марфин покал плечами и сделал из лица мину, как бы говорившую: "Но где ж их взять, когда других и нет?"

- Но скажите, по крайней мере, - не отставал от него предводитель, - не привезли ли вы каких-нибудь известий о нашем главном деле?

- Никаких и много! - отвечал своим обычным отрывистым тоном Марфин.

По лицу губернского предводителя пробежало любопытство, смешанное как бы с некоторым страхом.

- Мое нетерпение, ей-богу, так велико, - начал он полушепотом и заискивающим голосом, - что я умолял бы вас теперь же сообщить мне эти известия.

- Но здесь нельзя говорить об этом!.. Надобно уйти куда-нибудь! возразил ему Марфин.

- Это очень легко сделать: прошу вас пожаловать за мной, - подхватил предводитель и, еще раз взглянув мельком, но пристально на сидевшего в боксетной сенатора, провел Марфина через кабинет и длинный коридор в свою спальню, освещенную двумя восковыми свечами, стоявшими на мозаиковом с бронзовыми ободочками столике, помещенном перед небольшим диванчиком.

Пол спальни был покрыт черным ковром с нашитыми на нем золотыми как бы каплями или слезами. По одной из стен ее в алькове виднелась большая кровать под штофным пологом, собранным вверху в большое золотое кольцо, и кольцо это держал не амур, не гений какой-нибудь, а летящий ангел с смертоносным мечом в руке, как бы затем, чтобы почиющему на этом ложе каждоминутно напоминать о смерти. Передний угол комнаты занимала большая божница, завершавшаяся вверху полукуполом, в котором был нарисован в багрянице благословляющий бог с тремя лицами, но с единственным лбом и с еврейскою надписью: "Иегова". Под ним висели иконы, или, точнее сказать, картины религиозного содержания: Христос в терновом венке, несущий крест с подписью: "nostra salus" (наше спасение); Иоанн Креститель с агнцем и подписью: "delet peccata" (вземляй грехи мира) и Магдалина в пустыне с подписью: "poenitentia" (покаяние). По боковым стенкам божницы представлялись чисто какие-то символы: на правой из них столб, а около него якорь с пояснением: "spre et fortitudine" (надеждою и твердостью); а на левой - святая чаша с обозначением:

"redemptio mundi" (искупление мира). Но, собственно, икон православного пошиба не было ни одной. Перед божищею светилась и опять тоже не столько лампадка, а скорее лампа с зеленым зонтиком спереди. Таким образом, вся эта святыня как будто бы навеяна была из-чужа, из католицизма, а между тем Крапчик только по-русски и умел говорить, никаких иностранных книг не читал и даже за границей никогда не бывал. Далее на стене, противуположной алькову, над огромной рабочей канторкой, заваленной приходо-расходными книгами, счетами, мешочками с образцами семян ржи, ячменя, овса, планами на земли, фасадами на постройки, висел отлично гравированный портрет как бы рыцаря в шапочке и в мантии, из-под которой виднелись стальные латы, а внизу под портретом подпись: "Eques a victoria"*, под которую, вероятно, рукою уж самого хозяина было прибавлено: "Фердинанд герцог Брауншвейг-Люнебургский, великий мастер всех соединенных лож".

* "Всадник-победитель" (лат.).

Введя гостя своего в спальню, губернский предводитель предложил ему сесть на диванчик. Марфин, под влиянием своих собственных мыслей, ничего, кажется, не видевший, где он, опустился на этот диванчик. Хозяин все с более и более возрастающим нетерпением в лице поместился рядом с ним.

- Значит, нет никакой надежды на наше возрождение? - заговорил он.

- Никакой, ни малейшей! - отвечал Марфин, постукивая своей маленькой ножкой. - Я говорю это утвердительно, потому что по сему поводу мне переданы были слова самого государя.

- Государя?... - переспросил предводитель с удивлением и недоверием.

Марфин в ответ утвердительно кивнул головой.

Сомнение все еще не сходило с лица предводителя.

- Мне повелено было объяснить, - продолжал Марфин, кладя свою миниатюрную руку на могучую ногу Крапчика, - кто я, к какой принадлежу ложе, какую занимаю степень и должность в ней и какая разница между масонами и энциклопедистами, или, как там выражено, волтерианцами, и почему в обществе между ими и нами существует такая вражда. Я на это написал все, не утаивничего!

Предводитель был озадачен.

- Но, почтенный брат, не нарушили ли вы тем наш обет молчания? - глухо проговорил он.

Марфин совершенно вспертушился.

- Это вздор-с вы говорите! - забормотал он. - Я знаю и исполняю правила масонов не хуже вашего! Я не болтун, но перед государем моим я счел бы себя за подлеца говорить неправду или даже скрывать что-нибудь от него.

Все это Егор Егорыч произнес с сильным ударением.

- Это, конечно, на вашем месте сделал бы то же самое каждый, - поспешил вывернуться губернский предводитель, - и я изъявляю только мое опасение касательно того, чтобы враги наши не воспользовались вашей откровенностью.

- Это уж их дело, а не мое! - резко перебил его Марфин. - Но я написал, что я христианин и масон, принадлежу к такой-то ложе... Более двадцати лет исполняю в ней обязанности гроссмейстера... Между господами энциклопедистами и нами вражды мелкой и меркантильной не существует, но есть вражда и несогла-

сие понятий: у нас, масонов, - бог, у них - разум; у нас - вера, у них - сомнение и отрицание; цель наша - устройство и очищение внутреннего человека, их цель - дать ему благосостояние земное...

- Хорошо, хорошо! - начал уж похваливать предводитель.

- Знания их, - продолжал Марфин, - более внешние. Наши - высшие и беспредельные. Учение наше - средняя линия между религией и законами... Мы не подкапыватели общественных порядков... для нас одинаковы все народы, все образы правления, все сословия и всех степеней образования умы... Как добрые сеятели, мы в бурю и при солнце на почву добрую и каменистую стараемся сеять...

- Превосходно, превосходно! - восхлинул предводитель и, кажется, с совершенно искренним увлечением.

В свою очередь, и Марфин, говоря последние слова, исполнился какого-то даже величия: про него вся губерния знала, что он до смешного идеалист, заклятой масон и честнейший человек.

- А имеете ли вы сведения, как принято было ваше письмо? - допытывался у него предводитель, явно стремившийся более к земным и конечным целям, чем к небесным.

- Имею, и самые верные, потому что мне официально написано, что государю благоугодно благодарить меня за откровенность и что нас, масонов, он никогда иначе и не разумел.

- Мы такие и есть и такими всегда останемся! - не удержался и восхлинул с просветлевшим лицом предводитель.

Марфина рассердило, что его перебивают.

- Дослушайте, пожалуйста, и дайте договорить, а там уж и делайте ваши замечания, - произнес он досадливым голосом и продолжал прежнюю свою речь: иначе и не разумел, но... (и Марфин при этом поднял свой указательный палец) все-таки желательно, чтоб в России не было ни масонов, ни энциклопедистов, а были бы только истинно-русские люди, истинно-православные, любили бы свое отечество и оставались бы верноподданными.

- Мы и православные и верноподданные! - подхватил губернский предводитель.

- Нет, это еще не все, мы еще и другое! - перебил его снова с несколько ядовитой усмешкой Марфин. - Мы - вы, видно, забываете, что я вам говорю: мы - люди, для которых душа человеческая и ее спасение дороже всего в мире, и для нас не суть важны ни правительства, ни границы стран, ни даже религии.

- Религии, положим, важны: братья масоны могут быть лишь христиане.

- Нет-с, нет и нет! - закричал на него Марфин. - Вы это говорите со слов Лопухина {13}*, и я, пожалуй, скажу: да, христианином; но каким? Христианином по духу!.. Истинный масон, крещен он или нет, всегда духом христианином, потому что догмы наши в самом чистом виде находятся в евангелии, предполагая, что оно не истолковывается с вероисповедными особенностями; а то хороша будет наша всех обретающая и всех призывающая любовь, когда мы только будем брать из католиков, лютеран, православных, а люди других исповеданий - плевать на них, гяуры они, козлы!

* Масон времен Новикова, написавший несколько масонских сочинений.

(Прим. автора.).

- Если так понимать, то конечно! - произнес уклончиво предводитель и далее как бы затруднялся высказать то, что он хотел. - А с вас, скажите, взята подписка о непринадлежности к масонству? - выговорил он, наконец.

- Никакой!.. Да я бы и не дал ее: я как был, есмь, так и останусь масоном! - отвечал Марфин.

Губернский предводитель грустно усмехнулся и начал было:

- Опять-таки в наших правилах сказано, что если монаршая воля запретит наши собрания, то мы должны повиноваться тому безропотно и без малейшего нарушения.

- И опять-таки вы слышали звон, да не уразумели, где он! - перебил его с обычкою своей резкостью Марфин. - Сказано: "запретить собрания наши", тому мы должны повиноваться, а уж никак это не касается нашего внутреннего устройства: на религию и на совесть узды класть нельзя! В противном случае, такое правило заставит человека или лгать, или изломать всю свою духовную натуру.

- Прекрасно-с, я согласен с этим! - снова уступил предводитель. - Но как же тут быть?.. Вы вот можете оставаться масоном и даже открыто говорить, что вы масон, - вы не служите!.. Но как же мне в этом случае поступить? заключил он, как бы в форме вопроса.

- А вам кто велит служить? Какая необходимость в том? - произнес почти с презрением Марфин.

- Привычка, пятидесятилетняя привычка служить, больше ничего! объяснил предводитель.

- Не говорите этого! Не говорите!.. Это или неправда, или какое-то непонятное заблуждение ваше! - прикрикнул на него Марфин. - Я, впрочем, рад этим невзгодам на нас, очень рад!.. Пусть в них все, как металлы в горниле, пообчестятся, и увидится, в ком есть золото и сколько его!

Губернский предводитель немного сконфузился при этом: он никак не желал подобного очищения, опасаясь, что в нем, пожалуй, крупинки золота не обретется, так как он был ищущим масонства и, наконец, удостоился оного вовсе не ради нравственного усовершенствования себя и других, а чтобы только окраситься цветом образованного человека, каковыми тогда считались все масоны, и чтобы увеличить свои связи, посредством которых ему уже и удалось достигнуть почетного звания губернского предводителя. В настоящее же время его мечтой была надежда сломить губернатора и самому сесть на его место.

- Меня больше всего тут удивляет, - заговорил он после короткого молчания и с недоумевающим выражением в лице, - нам не доверяют, нас опасаются, а между тем вы, например, словами вашими успели вызвать безделица! - ревизию над всей губернией.

- Я не словами вызвал, а криком, криком! - повторил двукратно Марфин. Я кричал всюду: в гостиных, в клубах, на балах, на улицах, в церквях.

- Другой, пожалуй, кричи: его заставили бы только замолчать, а вас нет.

- Они хорошо и сделали, что не заставляли меня! - произнес, гордо подняв свое лицо, Марфин. - Я действую не из собственных неудовольствий и выгод! Меня на волос чиновники не затрогивали, а когда бы затронули, так я и не стал бы так поступать, памятуя слова великой молитвы: "Остави нам долги наши, яко

же и мы оставляем должником нашим", но я всюду видел, слышал, как они поступают с другими, а потому пусть уж не посетуют!

- Вы далеко не все слышали, далеко, что я, например, знаю про этих господ, сталкиваясь с ними, по моему положению, на каждом шагу, подзадоривал его еще более губернский предводитель.

В это время, однако, вошедший в спальню лакей возвестил:

- Ваше превосходительство, его сиятельство граф Эдлерс уезжает!

- Как уезжает?! - воскликнул с испугом Крапчик и почти бегом побежал к своему именитому гостю.

II

Марфину очень не понравилась такая торопливость и суетливость хозяина. "Что это такое? Зачем все это и для чего?" - спрашивал он себя, пожимая плечами и тоже выходя через коридор и кабинет в залу, где увидал окончательно возмущившую его сцену: хозяин унуженно упрашивал графа остаться на бале хоть несколько еще времени, но тот упорно отказывался и отвечал, что это невозможно, потому что у него дела, и рядом же с ним стояла мадам Клавская, тоже, как видно, уезжавшая и объяснявшая свой отъезд тем, что она очень устала и что ей не совсем здоровится. Собственно, Клавскую упрашивала остаться дочь хозяина, мадмуазель Катрин; но все их мольбы остались тщетными. Гости уехали. Хозяева пошли их провожать чуть не до сеней. Марфин сейчас же начал протестовать и собрал около себя целый кружок.

- Это черт знает что такое! - почти кричал он. - Наши балы устраиваются не для их кошачьих свиданий!.. Это пощечина всему обществу.

- Конечно, конечно! - соглашались вполголоса некоторые из мужчин.

Дамы тоже были немало поражены: одни пожимали плечами, другие тупились, третьи переглядывались значительными взглядами, хотя в то же время - нельзя этого утаить - многие из них сделали бы с величайшим удовольствием то, что сделала теперь Клавская.

Хозяин наконец возвратился в залу и, услыхав все еще продолжавшиеся возгласы Марфина, подошел к нему.

- Что такое, Егор Егорыч, вы шумите? Что вас разгневало? - спросил он его с улыбкою.

- Если вы этого не понимаете, тем хуже для вас!.. Для вас хуже! отвечал с некоторым даже оттенком презрения маленький господин.

- Понимать тут нечего; вы, по вашему поэтическому настроению, так способны преувеличивать, что готовы из всякой мухи сделать слона!

- Это - муха, ничтожная муха, по его!.. А не слон самоунижения и самооплывания!..

- Егор Егорыч, пощадите от таких выражений! - произнес уже обиженным голосом предводитель.

Марфин, впрочем, вряд ли бы его пощадил и даже, пожалуй, сказал бы еще что-нибудь посильней, но только вдруг, как бы от прикосновения волшебного жезла, он смолк, стих и даже побледнел, увидав входившее в это время в залу целое семейство вновь приехавших гостей, которое состояло из трех молодых девушки с какими-то ангелоподобными лицами и довольно пожилой матери, сохранившей еще заметные следы красоты. Дама эта была некая вдова-адмиральша Юлия Матвеевна Рыжова. Она наследовала после мужа очень большое состо-